

Плохому режиссеру всегда что-то мешает

Станислав Говорухин снял «Станционного зрителя» на новый лад

Денис ГОРЕЛОВ

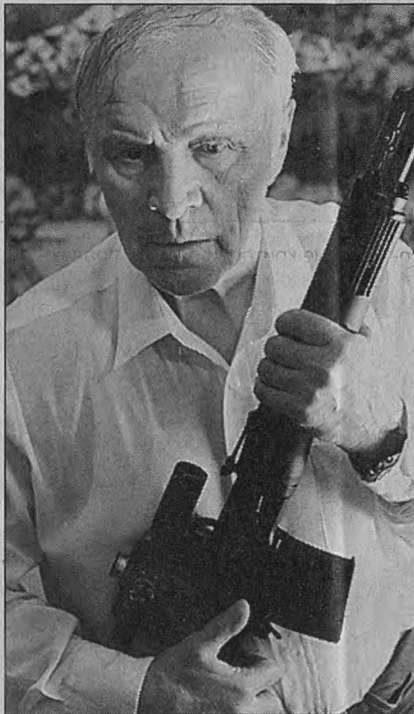
Сегодняшнему станционному зрителю очень хочется пострелять. По верхним этажам, дорогим костюмам, лобовым стеклам, рекламным щитам, очкам, зеркалу и одноименной передаче. По толстым и молодым, по веселым и оборотистым, по неурочному счастью, неуместному кайфу, первичной сытости и мажорному настроению. Каленной картечью с гайками — приложиться и вдарить, и кишки растереть, и зенки выдавить, и спросить светло-участливо, как шолоховские казаки: «Что, больно, мил-человек?» Хочется большим сибирским писателям и неистовым столичным депутатам, пьющим дедам с авоськой и нахрапистым отставникам с неспортым алым кантом на брюках. Они алчут реванша, безжалостного, глумливого, садистского реванша слабых. Но поскольку люди это как бы цивилизные и законы знающие — язык у них не поворачивается сказать: «Я старый, злой, никому не нужный, надорвавший жилы в борьбе за борьбу идиот — и потому я ненавижу вас, всех, кто смеется, ищет и добивается, кому на Руси жить хорошо, в аду я вас видел на железных сковородках и об одном мечтаю — попасть туда не наперед, а после вас». Нет, этого дед-оглоед никогда не скажет. Ему нужен стопроцентный повод, чтобы со вкусом, от всей души окропить снежок красненьким, пустить юшку, покрощить окаянных гадов в мелкий виноградет.

И он находит этот повод — изнасилованную внучку.

За последние десять лет в отечественной литературе и кино было изнасиловано такое количество внучек, что из них легко бы составилась полнотелая женский монастырь «Бедная овечка». Прыщавые, гугнявые, щербатые и ослабленные твари то и дело накладывали потную лапу на их голубые труси-

ки (почему-то эта подробность непременно встречалась у каждого борца с молодежью) и срывали незабудку-анютину глазку-лютик лазоревый в самый первоцвет. Но и станционные зрители Самсоны Вырины не оставались в долгу. Поднимал дед винтовку, цеплял шашку и показывал, что пороха в его пороховницах хватит на все полчища плохишей, которые отчего-то разом расхотели в кибальчишество, но еще непременно подавятся своим холуйским вареньем и иудиним печеньем. Гугнявых-щербатых вносили живьем в конвертерную печь («День любви»), перемалывали заводским прессом (там же), сбрасывали с обрыва в «Жигулях» («Авария, дочь мента»), сшибали медвежьим жаканом со скамьи подсудимых («Исход»), били бутылками (рассказ «Клавочка» Б. Васильева) и швыряли в канаву с кипящими нечистотами (рассказ «Людочка» В. Астафьева). Пенсионер Иван Федорович Афонин в исполнении Михаила Ульянова в новом фильме Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок» порешил отстрелить им всем яйца из карабина «Сайга» с самопальным глушителем, купленного на толкучке по случаю. Практика борьбы с эксплуататорскими классами обогатилась новой тешашей раскаленное сердце разнообразностью.

Мощный старик Говорухин и прежде радовал мир фейерверками мысли. В «Так жить нельзя» он открыл, что вся преступность из-за коммунистов. В «Великой криминальной революции» выяснил, что вся преступность — от демократов. Нехитрая догадка, что преступность не зависит от социально-экономической формации, а определяется персональным воспитанием каждого отдельного индивидуума, возможно, еще придет в его могучую голову, но особо рассчитывать на это я бы не стал. Пока Станислав Сергеевич свято уверен, что разви-



Михаил УЛЬЯНОВ: «Гнилой фашистской нечисти загоним пулю в ...». Станислав ГОВОРУХИН: «Я вас научу по-русски любить!»

тие торговли и частной собственности прямиком ведет к криминальной Помпее, Голгофе и Гоморре: вестимо, от вискаря, спортивного тренажера и черных очков рукой подать до изнасилования зорьки Катеньки, которая любит пельмени, бабушку, песню «Одинокая гармонь» и спит под ковриком с оленями. Ну просто мечта насильника. На этот строй и следует наводить прицел недожаренной рукой. По тому, с каким удовольствием сняты сцены выбора оружия (вместо подавленного и разбитого деда на экране является краж-боевик, оглаживающий цевье и любовно массирующий спуск), ареста обвиняемых (положительный капитан милиции пристегивает их наручниками к батарее, давит ногами по причинным местам и обе-

щает, что они, интеллигенты херовы, сучьи потроха, сознаются во всем, даже в убийстве принцессы Дианы), ссоры с прокурором («Придет время — за все заплатите, кровососы-оккупанты!») — пророчит ему дядя Ваня, видно, что Говорухин в сладких снах видит те счастливые времена, когда бабушки со скрещенными молоточками на железнодорожных фуражках беспрепятственно ходили по чужим яйцам, истребляли всякое непонравившееся начальство и плодотворно ненавидели соседа за несчастный «жигуль». Он всегда презирал интеллигенцию (см. образ невротичного хлюпика Ивана Сергеевича Груздева), уважал скоротечную расправу (процессуальный ухарь Жеглов вечно выигрывал на фоне уставного зануды Шарашова)

и вообще являлся наиболее жарким и последовательным проповедником самосуда (тут к жегловским и афонинским подвигам легко подстраиваются «Десять негритят»). Сегодня он выступает рупором озлобленных одноклеточных людей с авоськами, ходиками, переводными картинками на кафеле и геранью на окне — милых простых людей, обожавших Сталина, Грозного и Петра за организованное кровопускание мироедам, вумным да начальникам (по фильму, один насильник держит палатки на рынке, второй изучает структурную лингвистику, а третий — сын милицейского полковника; полный комплект классовых врагов).

Между прочим, название «Ворошиловский стрелок» — уже третье

за пять лет. Предыдущие одноименные сценарии были посвящены дедушке-вахтеру, расстрелявшему 13 человек мимохожих за то, что ему квартиру не хотели давать, и пенсионеру-снайперу, пошедшему с самопалом на дворовых рэкетиров. Старцы с кефиром снова мечтают о войне. Ушлые сценаристы придумывают для них достойные мишени и легендарные стрелковые биографии. Место униженного и оскорбленного маленького человека занимает хитроватый линчеватель-общественник с водянистыми глазами. Добрых чувств он не вызывает — хотя бы потому, что убивает от палочек, подколенной, глечейской злобы, а не из какой-то из мести.

На хрен кому сдалась его Катя с пельменями.

